

«Сначала я сыграл... Красную Шапочку»

Сегодня о своей профессии народный артист России Кирилл Стрежнев говорит: «Режиссёр – это одинокий волк». Получается: не жизнь – сплошная сказка!

Ирина КЛЕПИКОВА

Он убежден: театральное искусство открывают одним ключом. Поэтому готовятся сейчас ставить в Омске оперу «Угрозе строптивой!», а в городе N (не слезить!) – драматический спектакль. Улыбается: «Мог бы поставить «Ивана Сусанина», но почему-то никому не приходит в голову пригласить на это Стрежнева». Может, потому, что имя главного режиссёра Свердловской музыкальной вот уже почти 30 лет неразрывно связано именно с опереттой, мюзиклом, блистательными, вошедшими в историю жанра, работами? При этом Кирилл Стрежнев – рекордсмен: четверть века – на посту главы театра. В то время как режиссёры бегут от этого «хомута», как чёрт от лады.

– Кирилл Савельевич, вдруг обратила внимание на один факт вашей биографии: закончили ЛГИТМиК, но поступали-то учились в Институт культуры им. Крупской...

– Мечта была, конечно, – Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. Но на режиссуру в 17 лет не брали! И поступая в институт культуры, я знал: мне нужно дождаться хотя бы 19-ти. Но два года не были потеряны. Факультет режиссуры массовых представлений пригласили: в музыкальном спектакле – огромные массовые сцены, их тоже надо уметь ставить.

А с ЛГИТМиКом повезло. Исакин Абрамович Гриншпун добирал актёрско-режиссёрский курс. Именно режиссёров. Я показал какие-то этюды, прошёл общие экзамены. И поступил – сразу на 2-й курс. А с четвёртого курса я уже в Свердловской музыкальной на дипломной практике... Вообще, всё в моей жизни случайно, но ангел-хранитель словно ведёт меня.

– Как же «случайно»? Вы из театральной семьи. Другое дело: слышала, что вы вначале отчаянно бросили музыку, потом так же отчаянно взяли учиться ей.

– Значит, мой ангел-хранитель сказал мне: «Делай это!» (улыбается). А окружающие? Да, я по сути вырос в Мариинском театре. Мама 35 лет проработала артисткой хора, папа почти 40 лет – солист оперы. Поэтому я себе театр по-другому, без музыки, не представляю. Но! После школы-то я хотел поступать на факультет психологии. Пошёл в университет. В приёмной комиссии выяснилось – надо сдавать математику. А у меня по ней выше тройки никогда не было. Повернулся – и ушёл. Однако тяга познания секретов психологии родственна режиссуре. Мне всегда были интересны мотивы поступков людей. А этим режиссёр занимается на каждом спектакле – моделирует жизнь, точки зрения психологии. Получается: мальчик сам не знал, куда гадал, но что-то вело туда, куда надо. Значит, поводырь был правильный!

– Не знал-не гадал, но когда-то режиссёрский дебют всё же случился...

– В восьмом классе. Причём, это была сценарно-режиссёрско-актёрская работа. Я написал сценарий «Красной Шапочки». Сам поставил и сам сыграл главную роль. Дело в том, что мы делали спектакль мужским коллективом, в трудовом лагере. После карточки.

– И какая же у вас была Красная Шапочка?

– Современная такая девочка. А Волк – несчастный: он думал – он её съест, но Красная Шапочка оказалась крутой. И победила. Такая у нас была трактовка... Ну, а если серьёзно, режиссёрский дебют – «Поздняя серенада» в этом театре. И опять мне повезло.

– Повезло?

– Это слово буду повторять бесконечно. Повезло, что попал в Свердловскую музыкальную. Повезло, что дебютом стала «Поздняя серенада» – по пьесе Арбузова «В этом милым старом доме». Повезло, что Курочкин согласился меня принять и дал мне элитную группу артистов. Духовный, Жердер, Пименов, Луховый... «Сливки» труппы, которые были отданы в

сущности мальчику «на растерзание». Мария Густавовна Виск сыграла в «Поздней серенаде» свою последнюю роль. Это же счастье для режиссёра: у меня есть работа с великой Виск. А это такая школа!

У «мальчика» же хватало ума ничего не показывать великим артистам. Когда сделали спектакль, Нина Александровна Энгель-Утина сказала: «Заметили? Он весь спектакль сделал сидя». Да, хватало ума. Всё – словами, формулировкой задач. И они оценили. А это моя философия: насилие порождает только насилие, даже творческий конфликт можно и надо решать переговорами, а лучше вообще его не создавать. Ещё Немирович-Данченко учил: театр строится на разумном компромиссе. Я бы добавил – на честном обмене.

– Обмане?! Что вы имеете в виду?

– Не дай Бог, если у артиста складывается ощущение, что он – исполнитель. Ненавижу это слово! Актёр – создатель. Он должен чувствовать: он всё придумал, он всё сделал. Режиссёр должен уйти в тень. Как бы... В противном случае артисты становятся роботами!

– Недавно по ТВ, в передаче про великого трагического актёра Симонава, услышала: он играет постаротейтальному. Оказывается, даже актёрская игра может быть актуальной (или наоборот). Режиссура – тем более. Если бы сегодня пришлось ставить «Позднюю серенаду» – сделали бы её по-другому?

– Нет. Когда меня приглашают на спектакль, который уже сделан однажды, ставлю условие: это будет перенос спектакля. Вот «Свадьбу Кречинского» я поставил сначала в Омске, а потом – здесь: в той же редакции, с той же режиссёрской концепцией. Не потому, что мне лень. Просто при постановке я стараюсь сделать спектакль оптимально. Вложиться по максимуму. Дубли, чтобы только придумать заново, не считаю необходимым.

– А время? Обязанность режиссёра «слышать то, что происходит за окном»?

– «За окном» сегодня столько чернухи, что генерировать её на сцене нет никакого смысла. Спектакль может быть даже трагическим, но если в результате у зрителя не возникает светлого ощущения – это ненужное искусство. У театра достаточно средств показать жизнь не так плохо, как иногда кажется, в ней больше позитива.

Я вообще по жизни – в театральной среде, в быту – стараюсь окружить себя людьми со светлой энергетикой. Это очень полезно (улыбается). Помогает жить. А чернуха, зависть, подлость, интриги – это прежде всего саморазрушение.

– Светлую энергетику проще аккумулировать вокруг себя, будучи очередным режиссёром. Напрягая, поставив успешный спектакль – аллодисменты, цветы, пресса. А «хому» главного – это актёрские судьбы, неустойчивость и обиды, репертуарная политика. Зачем вам это?

– Зато у главного режиссёра есть главное преимущество – он имеет возможность сформировать труппу. Выстроить линию своего творчества можно только с труппой, которую ты создал, сколлаборировал. С труппой-семьей. Правда, сегодня наметились другие веяния.

От сердца к сердцу – только так рождаются лучшие спектакли. В том числе и золотомасочные. Справа – народный артист России Владимир Смолин

На каждом спектакле, на каждой репетиции режиссёр должен завоевывать своё право лидера (Кирилл Стрежнев – в центре)

1977-й год. Работа с примадонной Свердловской музыкальной Нины Энгель-Утиной стала школой для молодого режиссёра

На нынешней Всероссийской ярмарке певцов, что традиционно проходит в Екатеринбурге, мы искали в труппу тенора. Сделали предложение трём певцам из разных городов. Все трое, словно под копирку, говорили одно и то же: «Не хочу уходить из своего театра. Можно было бы приглашать меня на отдельные проекты...». Приходится сдаваться. Но эта модель несовершенна. Творчески продуктивно служение только одному театру. Многолетнее служение. И актёра, и режиссёра. У «летуна», как правило, за спиной дороги нет. Только пунктир. Не на что обернуться.

Да, у главного режиссёра, работающего многие годы с одной труппой, дорога не одними лавами устлана. Приходится выслушивать жалобы, обиды. А актёр никогда не бывает сыт. Ко мне иногда приходят артисты, занятые в каждом спектакле театра, с одной и той же фразой: «Я же совершенно не работаю! Вы думаете о моей судьбе?». На самом деле, это замечательное качество – актёрская жадность. Лучше, чем актёрский пофигизм. Когда говорят: «Ой, слава Богу, у меня сегодня ничего нет» – это плохо...

Вот Женя Зайцев уехал в Москву. Огромная потеря, травма для труппы. «Силиконовому другу», где он был занят в главной роли, не играли полгода. Да, и стареют актёры... Но ни то, ни другое не считаю катастрофой. Это называется «жизнь». Только так и надо воспринимать. Ушёл Женя Зайцев – на его роли пришли другие актёры, принёсшие и другую эстетику, и другие краски в роли. Нормальный процесс. Я всегда говорю: «Этот корабль останет только с труппой, которую ты создал, сколлаборировал. С труппой-семьей. Правда, сегодня наметились другие веяния».

Что же касается очередного режиссёра (аллодисменты,

цветы, пресса!), он личность зависимая: действует в рамках линии главного. А я хочу сам формировать художественную политику театра.

– Однако ж и «главный» в чём-то персона зависимая, и у него не все мечты сбываются. Помню, несколько лет назад вы объявили о планах поставить мюзикл «Звуки музыки». Зрители так ждали! Но...

– Тут другая история. Россия вступила во все международные конвенции по авторским правам. А «Звуки музыки» – один из наиболее охраняемых мюзиклов. У театра просто нет таких средств, чтобы купить лицензию на него. А сегодня агентством, владеющее правами на сочинение, может запретить эксплуатацию спектакля. И все силы, средства, вложенные в него, пойдут прахом. Такое случилось в Новосибирске со спектаклем «В джезде только девушки». Когда-то он шёл и у нас. К счастью, когда появились новые правила и мы обязаны были закрыть спектакль, он уже окупил себя. Проскочили.

Сейчас мы за очень большие деньги покупаем лицензию на постановку мюзикла «Скрипач на крыше» – переговоры с американской стороной ещё идут. Трудно, сложно. Уже два года. Причём, лицензия даётся на год. Затем, в случае выполнения условий контракта, продлевается. Правда, уже не за столь большие деньги.

– Это попытка выкачать деньги из творцов или, действительно, необходимая охрана талантливого произведения от возможных подделок?

– И то, и другое. Сегодня мы обязаны получать лицензию даже на Кальман! Переговоры – взаимные уступки, и это единственно правильная позиция решать все запутанные ситуации. Да, на это уходит время. Зато нет хулиганства и пиратства.

Не все эту систему принимают. 90 процентов театров продолжают ставить «пиратские» спектакли. Свердловская музыкальная, к счастью или несчастью, позволить себе такое не может. В силу нами же заработанной репутации любое событие в театре становится достоянием Российской Федерации. Пресса, ТВ, интернет... Пиратские «Звуки музыки»? Да у нас через дорогу – американское консульство, а там – атташе по культуре... Это беда, что называется, от известности.

– Зато благодаря известности, репутации театр – единственный от России! – стал членом Национального альянса музыкальных театров Америки. И, кажется, на днях вы вернулись из Нью-Йорка, с фестиваля?

новилась – погибла. В творчестве – то же самое. Представляете: главный режиссёр театра «на блюде» приносит тебе готовое сочинение, даёт лучших артистов, ни в чём не ограничивает... Тепличные условия не способствуют самосовершенствованию.

Режиссёру нужна атмосфера сопротивления. Поэтому более оптимальный вариант для режиссёрского становления был – главреж Ленинградской музыкальной Владимир Егорович Воробьёв, человек с очень сложным характером, но любивший, когда кто-то другой ставит спектакли в его театре. Тем не менее за 4,5 года у Воробьёва я получил столько, сколько не получил за все годы до того, и ухитрился поставить три спектакля. Самостоятельно. Такого в «воробьёвские годы» не сделал больше никто. В конечном итоге я «дозрел» – начали приглашать в разные театры.

Во времени возвращения в Свердловск у меня было три приглашения – не самых плохих. В Ленинградскую музыкальную, из Одессы и из Свердловска. Был семейный совет по этому поводу. Но «ангел-хранитель» ткнул меня в сторону Свердловской музыкальной, о чём я не жалел ни одной секунды своей жизни. Одесса сейчас – другое государство. Ленинградская музыкальная 16 лет была на реконструкции, скиталась по Дворцам культуры. А в Свердловске благодаря тому, что сделали прежние главрежи Кулушев и Курочкин, я пришёл на пустое место. Хватило ума не разрушить сделанного тебе, а подхватить и продолжить. Да, на новом витке. Но это было возможно только в одном месте земного шара – в Свердловске. «Ты же коренной ленинградец!» – напоминают мне. Ну и что? Жить там, чтобы ходить по Невскому проспекту? Неинтересно. Жизнь там, где есть интересная работа.

– Режиссура на сопротивлении. Не постоумули в последние годы вы ставите спектакли с одним составом исполнителей. Но это же риск?

– Относительный. Мы не знаем случаев отмены спектакля по «актёрской» причине. Для артиста это двойная ответственность. Он считает: это МОЯ роль, на МЕНЯ сделана. Поэтому должен быть готов к роли всегда. Заболел? Да не болят они! Зато случалось, что спектакль, на котором три исполнителя, отменяли по причине болезни всех троих.

– То есть Екатеринбург берёт это на себя?

– Если не мы – то кто же?! Но под эгидой Министерства культуры России. Другой уровень! Да, это работа не только на себя любимых, а на театральный процесс в России. Причём, в отличие от американской модели, где это фестиваль, мы берём шире – новые работы для музыкального театра (от оперы до водевиля). Причём, раз мы члены американского Альянса, будем приглашать и их. Уже международный уровень! В рамках фестиваля могут заключаться договоры с авторами на постановку или обсуждаются намерения.

Из восьми сочинений, которые были показаны в Америке нынче, два очень понравились всем. Нам – тоже. И мы уже в переписке с двумя авторскими группами.

– А правда, что когда вы готовите премьеру, не стрижёте?

– Правда. Это из области театральных суеверий. Когда актёр роняет текст роли – он должен сидеть на нём. Иначе удаче не жди. А я вот, когда создаётся спектакль, не хожу в парикмахерскую. 18 декабря мы начали работать над «Скрипачом...». Накануне сходил постричься. И всё – до премьеры! Этот запрет я сам придумал и играю сам с собой в эту игру.

– А что такое вы сами себе «придумали», когда, успешно дебютировав у Курочкина, вдруг взяли и уехали из Свердловской музыкальной? Мало кто помнит сейчас об этом...

– Если человек идёт по зыбкому пространству – останавливаться нельзя. Тут же начнёт засасывать. Другой пример: акула обречена на вечное движение, потому что только когда через её жабры проходит свежая вода – она дышит. Оста-

ДОСЬЕ «ОГ»

Кирилл Савельевич СТРЕЖНЕВ
Родился в 1954 году. Окончил ЛГИТМиК, факультет драматического искусства. Дебют в Свердловской музыкальной – спектакль «Поздняя серенада» (1977 г.). С 1986 г. – главный режиссёр Свердловской музыкальной. С 1987 г. заведует кафедрой музыкального театра Екатеринбургского театрального института, профессор. Возглавляет Комиссию по оперетте и мюзиклу СТД России. Обладатель Золотой медали им. А.Д. Попова за режиссуру. Лауреат премии губернатора Свердловской области. Многократный лауреат областного фестиваля-конкурса «Браво!».

Дипломант Всероссийской премии «Хрустальная роза Виктора Розова».

Дважды лауреат национальной премии «Золотая маска».

Жена Татьяна Петровна работает в СТД РФ. Сын Александр заканчивает школу.

Блиц-опрос

- Любимое место в родном Санкт-Петербурге? – Петродворец осенью. Жёлтая листва. Холодно. Светит яркое солнце. Фонтаны не работают. Никого нет. Атмосфера неповторимая!
- Какую книгу можете перечитать? – Раз пять перечитывал «Братьев Карамазовых». Парадокс: Достоевский выводит меня из депрессивного состояния.
- Любимая работа по дому? – Я сам себе готовлю еду. Потому что все уже спят, когда я прихожу. А спят потому, что знают: меня лучше не трогать в это время – начинаю «рычать».
- Какого проступка никогда не сможете простить коллегам? – Вранья и предательства. Вранья даже хуже. Его ничем нельзя оправдать. И оно некалливается. А предательство – следствие.
- Небитаемый остров. И можно взять с собой только три вещи, которые помогли бы выжить. – Стопка клавиров. Стопка либретто. И хотя бы три артиста.
- Какая мелодия (спектакль) может довести до слёз? – «Ла Кремоса» Моцарта. Но также – хоршая бардовская песня.
- Финал наших «Мёртвых душ» неизменно вызывает слёзы. Это людской зоопарк – печальное зрелище. За это Россия обидно. С другой стороны, Пушкин писал Чаадаеву, горюя о России: «Но лучше страны нет».

Мариния Бриттена. Опера Бриттена «Питер Граймс» – Кириша Стрежнев – Джон

- Усталость, депрессия или раздражение. Как восстанавливаете себя? – Сажусь в машину, выезжаю на Московский тракт (там прямая хорошая дорога) и, если он пуст, еду со скоростью 140-150 км. Доезжаю до границы «Европа – Азия» – состояние абсолютной расслабленности, вся отрицательная энергия ушла. Обратно – 60-80 км. В хорошем настроении, под хорошую музыку.
- Несплошная мечта детства? – Во Фрунзенском универмаге на Обводном канале, на 4-м этаже, был отдел игрушки, а в центре стояла детская железная дорога. Стоила баснословно – 38 рублей. Я, маленький, избрал различные поводы, чтобы повести родителей туда. Только поспотеть. Понимал: попрошу – мама купит, но... Она и так купила для меня, забравшись в долги, пианино, потому что у ребёнка возник интерес к музыке. Кстати, на этом пианино сейчас играет сын.
- Что считаете своим недостатком? – Некоммуникабельность. У меня мало друзей. Бабушка называла меня «кустарь-одиночка»: я мог часа три сидеть в песочнице и строить город. И никто не нужен! А сейчас минуты одиночества – на вес золота.
- Какая фраза поддерживает по жизни? – «Жизнь прекрасна». Нужно обязательно утром говорить себе это. Каждый день.

«Когда один смотрит, а другой играет – это уже театр» – цитирует Кирилл Стрежнев коллегу Немировича-Данченко